

Коптева Галина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный

университет путей сообщения»

г. Новосибирск, Новосибирская область

В. ФЕДОРОВ И А. КАМЮ: ПРИТЧА И ЭССЕ ОБ АБСУРДЕ

(«ПРИТЧА» В. ФЕДОРОВА И «МИФ О СИЗИФЕ.

ЭССЕ ОБ АБСУРДЕ» А. КАМЮ)

Аннотация: стихотворение «Притча» Василия Федорова можно рассматривать как попытку сознательного нетрадиционного использования мифа о Сизифе, приобретающую характер «самостоятельного поэтического мифотворчества». Сизиф – тип героя абсурдного, с точки зрения обычной человеческой логики, что не исключает, однако, возможности существования такового. Типологически целесообразным и плодотворным является сопоставление героя В. Федорова с героем известного мифа в трактовке А. Камю. Согласно Камю, Сизиф – абсурдный герой, но он счастлив, несмотря на свое абсурдное положение, поскольку оказывается способен презреть кару богов и свою обреченность. Лирического героя стихотворения В. Федорова можно также рассматривать как человека счастливого: его выбрали для выполнения тяжелой работы по подъему камня на вершину, – и герой ощутил себя (бого-) избранным, потому что именно его заметил и обратился к нему Строитель. У Федорова, как и у Камю, в его произведении происходит обогащение конкретного мифологического образа новым универсальным смыслом. Главная идея, которая характеризует аксиологическую направленность стихотворения поэта XX века В. Федорова и эссе философа А. Камю, – это мысль о возможности человека оставаться счастливым в самых невозможных, даже абсурдных условиях, добровольно выполняя поставленную задачу и оставаясь в этом смысле единственным в мире ее исполнителем.

Ключевые слова: притча, миф о Сизифе, эссе об абсурде, подъем камня, счастливый герой, богоизбранность, судьба, долг.

Мы уже писали, что стихотворение «Притча» Василия Федорова (1918–1984) можно рассматривать как попытку сознательного нетрадиционного использования мифа, приобретающую характер «самостоятельного поэтического мифотворчества» [8, с. 23]. В данной статье мы предполагаем произвести сопоставление героя стихотворения В. Федорова «Притча» (дату написания указать не представляется возможным, поскольку данный автор не датировал своих стихотворений) с героем известного мифа Сизифом в трактовке А. Камю, обозначить возможные параллели и обнаружить разночтения методами интертекстуального и феноменологического анализа. Таковое сравнение целесообразно не только по той причине, что герой стихотворения Василия Федорова очевидно воспринимается как некая реминисценция на героя широко известного мифа о Сизифе, но и по причине совпадения характеров этих героев в аспекте значимых для них ценностных ориентиров.

Словарь С.И. Ожегова определяет притчу как «иносказательный рассказ с нравоученьем» в старинной литературе [11, с. 590]. Согласно словарю В.И. Даля, это также «иносказательный рассказ, нравоученье, поученье в примере, басня» [2, с. 534]. Иначе говоря, притча – это небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее моральное (либо религиозное) поучение в иносказательной форме. Притча отличается широтой обобщения и значимостью заключенной в ней идеи; для нее характерны предельная заострённость главной мысли, а также выразительность и экспрессивность языка. Название стихотворения Василия Федорова «Притча» сразу ориентирует читателя на восприятие его в определенном ракурсе. В то же время, представляется очевидной мифопоэтическая составляющая этого произведения.

*– Там, на горе,
Построен будет храм, –
Сказал Строитель,
Показал на камень. –*

*Возьмешь его обеими руками
И понесешь,
И к сроку будешь там.
Счастливым тем,
Что я,
А не другой
Был в ранний час
Строителем замечен,
Я камень приподнял над головой
И, пригибаясь,
Опустил на плечи.
Понес его на горные места,
Сбивая с трав предутренние росы,
И не заметил сам, когда устал
И как решил,
Решил я камень сбросить.
И бросил бы,
И сел на камень тот.
Но, трудный путь усталостью итожа,
Спросил себя:
«А кто же понесет
Его наверх?
Когда не я,
То кто же? [12, с. 18]*

Аллюзивно-реминисцентно стихотворение, безусловно, отсылает нас к широко известному мифу о Сизифе. Этот мифический персонаж был сыном бога ветров Эола. Он основал город Коринф, в котором собрал, благодаря своей ловкости и уму, весьма большие (неисчислимы, как гласит миф) богатства. «Традиция рисует Сизифа хитрым стяжателем, презирающим законы богов и людей» [9, с. 502]. Однако существует и другое представление об этом герое:

нередко он может изображаться «героем-богоборцем, противостоящим своей изворотливостью произволу богов» [9, с. 503]. Даже в Аиде Сизиф сумел обмануть их: «он оказался единственным умершим, возвратившимся на землю» [9, с. 502]. Таким образом, он жестоко провинился перед богами неистребимой любовью к жизни, а также своей изворотливостью, за что и несет тяжкое наказание в загробной жизни. Он обречен вечно катить в гору тяжелый камень, который в последнюю секунду вновь и опять срывается и летит вниз, к подножию горы, и Сизиф вынужден снова приниматься за работу, но никогда не может достичь конечной цели.

Особенным образом воспринимает и характеризует этого героя Альбер Камю. Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Читая Камю, важно помнить, что миф всегда надо рассматривать в особом ключе, в том смысле, что он – не сказка. Мир мифа – «гармоничен, строго упорядочен и не подвластен логике практического опыта» [10, с. 430]. И мы должны принимать повествуемую историю и верить ей безусловно и безоговорочно. По замечанию М. Элиаде, еще с древних времен миф онтологически повествует о «реальном», о том, что проявилось «в полной мере», причем речь идет «о священных реальностях», «выходах священного в мир» [13, с. 80]. По мнению А.Ф. Лосева, рассматривавшего миф с позиций «самого мифического сознания», миф сам по себе также является *реальностью* (выделено А.Ф. Лосевым. – Г.К.), с определенной точки зрения. Это – «не идеальное понятие и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [5, с. 27]. И еще: «Мифы созданы для того, чтобы привлекать наше воображение» [3, с. 306].

Обратимся к тому, как описывает положение мифического героя А. Камю в своем произведении «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (1942). Главной основой эффективности такого наказания философ считает сознание. Страшно не

то, что с нами происходит, а то, как мы это воспринимаем, как к этому относимся. И потому, действительно, «о какой каре могла бы идти речь, если бы на каждом шагу его (Сизифа. – Г.К.) поддерживала надежда на успех?» [3, с. 306]. Сизиф наказан знанием о «бесконечности своего печального удела». Но, согласно Камю, он счастлив, несмотря на свое абсурдное положение: Сизиф – абсурдный герой. «Таков он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений – он вынужден бесцельно напрягать силы. Такова цена земных страстей. <...> Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень руки с измазанными землей ладонями. В результате долгих и размеренных усилий, в пространстве без неба, во времени без начала и конца, цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновения камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз» [3, с. 306]. Примечательна экспрессия напряженности, с которой описывает Камю положение и действия героя мифа. Она призвана усилить эффект воздействия (на реципиента) заявленной автором эссе идеи о том, что данный трагический, по сути, герой, на самом деле – счастлив.

«Сизиф интересует меня, – рассуждает Камю, – во время этой паузы. Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня.

Этот миф трагичен, поскольку его герой наделен сознанием» [3, с. 306]. И нельзя не согласиться с тем, что Сизиф – трагический герой. Но он также абсурдный герой, исходя из того, что, по утверждению Камю, «это – абсурд» означает «это невозможно». Чувство абсурдности «рождается не из простого

исследования факта или впечатления, но врывается вместе со *сравнением* (выделено мной. – Г.К.) фактического положения дел с какой-то реальностью, сравнением действия с лежащим за пределами этого действия миром» [3, с. 242]. Титанический и вековечный труд Сизифа представляется абсурдным потому, что у него нет и не может быть ни результата, ни завершения...

Интересно посмотреть, как трактовка (мифа о Сизифе) Альбера Камю помогает высветить особым образом контекст стихотворения Василия Федорова «Притча». Наблюдаются как переключки, так и расхождения в положении героев и их трактовке. В некотором роде, поэтом двадцатого века реконструируется древний мифологический сюжет – с «определенной долей «осовременивания» и вольной трактовки (последнее присуще, пожалуй, и Камю). Доминирующий мотив стихотворения В. Федорова удивительным образом переключается с ключевой идеей эссе французского философа. Автор стихотворения, вероятнее всего (хотя нельзя утверждать с абсолютной уверенностью), не читал произведения Камю, но миф он, конечно же, знал. И его «притча», это уже было нами отмечено в одной из предыдущих работ, может рассматриваться как прекрасный пример самостоятельного поэтического мифотворчества. Более того, сочинение А. Камю и помогает нам сделать подобный вывод. В таком случае, что же роднит героев этих двух произведений? Именно то, что, невзирая на тяжкий, непосильный труд, который принуждены выполнять, они – счастливы. На первый взгляд, счастье невозможно в такой сложной ситуации: Сизиф вынужден свою безрезультатную работу осуществлять до бесконечности, лирическому герою Василия Федорова поставленная задача в момент усталости тоже показалась непомерно тяжелой. Но они счастливы – вопреки обстоятельствам. Почему это возможно для Сизифа, по-своему хорошо объяснил Камю.

«...Мир всего лишь один, *счастье и абсурд* (выделено мной. – Г.К.) являются порождениями одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно из открытия абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья. <...> Они превращают судьбу в дело рук человека, дело, которое должно решаться среди людей.

В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень – его достояние. <...> Солнца нет без тени, и необходимо познать ночь. Абсурдный человек говорит «да» – и его усилиям более нет конца. Если и есть личная судьба, то это отнюдь не предопределение свыше, либо, в крайнем случае, предопределение сводится к тому, как о нем судит сам человек: оно фатально и достойно презрения. В остальном он сознает себя властелином своих дней. <...> Сизиф, вернувшись к камню, созерцает бессвязную последовательность действий, ставшую его судьбой. Она была сотворена им самим, соединена в одно целое его памятью и скреплена смертью. Убежденный в человеческом происхождении всего человеческого, желающий видеть и знающий, что ночи не будет конца, слепец продолжает путь. И вновь скатывается камень» [3, с. 307–308].

Почему в трактовке Камю Сизиф – «слепец»? Вероятно, потому, что, наперекор своему сознанию, Сизиф оказывается способен закрыть глаза на эту проклятую бесконечную последовательность не имеющих результата действий, он способен презреть кару богов и свою обреченность. Заканчивает философ эссе об абсурде следующими словами: «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым» [3, с. 308].

Таково умозаключение Камю. Его Сизиф «отвергает богов» и презирает собственный фатальный приговор, явившийся, в конечном счете, его собственным творением (его судьба «сотворена им самим»).

Теперь становится понятно, почему лирического героя В. Федорова также можно рассматривать в качестве человека счастливого. Он впервые в жизни ощутил прилив этого чувства в тот момент, когда был выбран Строителем для выполнения тяжелой работы по подъему камня на вершину. «Герой ощутил себя избранным – потому что именно его заметил и обратился к нему Строитель» [4, с. 33]. Заглавная буква срabатывает здесь как намек, и Строитель автоматически просматривается-прочитывается как Создатель. Однако тут не может возникнуть и мысли о богоборчестве. Напротив, герой стихотворения «Притча» с энтузиазмом принимается за дело, тем более что речь идет о постройке хра-

ма – ведь именно этим освящается поставленная цель. Но ... гора чрезвычайно высока, малодоступна – «горные места», и через некий (достаточно продолжительный, по-видимому, поскольку герой успел устать) промежуток времени подкралась к нему предательская мысль – идея «бросить камень».

Сизиф обречен богами на выполнение своей бесконечной работы. Здесь нельзя предполагать наличие каких-либо моральных установок и ценностей. У субъекта (не только героя) стихотворения Федорова – иная судьба: он после короткого раздумья добровольно и осознанно принимает свое единственно правильное решение: «Когда не я, / То кто же?». И он счастлив оттого, что осуществил свой свободный выбор, приняв поручение как осознанную необходимость.

Еще Гегель связывал понятие свободы с деятельной человеческой активностью, утверждая, что сущность деятельности человека – это «освобождение и работа высшего освобождения», а кроме того, это – «тяжкий труд» [1, с. 232]. С философской позиции природы человека как творца в окружающем мире и создателя общественного богатства Карл Маркс, например, рассматривал свободу следующим образом: «К свободе относится не только то, чем я живу, но также и то, как я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно» [6, с. 68]. Так относится к своему решению герой «Притчи». Идеиная направленность стихотворения усиливается как значимостью самой идеи, так и чрезвычайной заострённостью главной мысли. «Лирический герой в контексте известного мифологического мотива подъема камня на вершину оказывается носителем определенной новой идеи, и читатель наблюдает рождение нового мифа, уже отличающегося от прототипа» [4, с. 33]. «Исходный» миф используется поэтом как инструмент для манифестации собственных аксиологических представлений, представлений о мире и месте человека в нем.

По мнению лирического героя В. Федорова, очевидно, всегда будут находиться люди, способные взяться за *работу*, которую никто (почти никто) не хочет выполнять. Иногда они посвящают подобному делу всю жизнь и не имеют

в качестве вознаграждения никаких особенных благ либо привилегий, временами – даже простой благодарности. Но «рассуждая именно в таком ключе – «если не я – то кто?», они остаются верны своему долгу, добровольно принятой на себя обязанности, и в этом обретают смысл существования и собственное счастье» [4, с. 34]. Эта ключевая идея стихотворения замечательным образом характеризует В. Федорова как поэта известной эпохи, отображая важную составляющую его мировоззрения и человеческой сущности. И тут, конечно, большое значение имеют морально-этические ценностные установки. Возможно, потому лирический герой В. Федорова счастлив, что ему изначально доступна такая непосильная для многих роскошь, как чистая совесть. А «совесть – это бог внутри нас», по выражению исследователя О. Меерсон [7, с. 403].

Вот почему и откуда такое название стихотворения. «Притча» Василия Федорова, поэта советского периода русской литературы, вероятнее всего, будет актуальна в любую эпоху. В притче, особенно религиозного толка, происходит, как известно, постепенное развоплощение земных реалий, и эти земные реалии неуловимым, подчас, образом переориентируются в направлении духовных приоритетов. В стихотворении Федорова, а равно и в эссе А. Камю, происходит обогащение мифологического образа новым универсальным смыслом. Главная мысль, которая характеризует идейную направленность стихотворения В. Федорова и эссе А. Камю, – это мысль о возможности для человека оставаться счастливым в самых невозможных (даже абсурдных) условиях, выполняя свой долг (у Камю – подчиняясь судьбе) и оставаясь единственным исполнителем поставленной задачи.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО, 2003. – 735 с.
3. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: перевод. – М.: Политиздат, 1989. – С. 222–319.

4. Коптева Г.Г. Василий Федоров. «Притча» // Актуальные вопросы филологии: теория и практика: материалы Международ. науч.-практ. конф. (20 августа 2018 г.). – Волгоград: Абсолют, 2018. – 74 с.
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
6. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд.– Т. 1 (1839–1844). – М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1954. – 698 с.
7. Меерсон О. Персонализм как поэтика: Литературный мир глазами его обитателей. – СПб.: Пушкинский Дом, 2009. – 432 с.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
9. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
10. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2003. – 896 с.
12. Федоров В.Д. Человек: стихотворения и поэмы. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 190 с.
13. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.